

> МАГИСТРАЛЪ >

*Посвящается
моим дочерям, Хиллари и Лесли,
и моей жене, Аурее,
поддерживающим меня во всех начинаниях.*

Автор изучил множество случаев психического расстройства, описанного в настоящей книге, и пришел к выводу, что это расстройство вызывают схожие события, пережитые пациентом в раннем детстве.

Автор просит учесть: хотя исследования в данной области создали базу для его произведения, история является чистым вымыслом.

Читателю не следует искать аналогий с реальными лицами и событиями.

Часть первая

Глава 1

Привет, я Дерри. Так вышло, что мне поручено писать обо всех этих событиях, потому что только я одна в курсе, что случилось со всеми нами, и вообще, должен же кто-то вести записи, а то в нашей истории черт ногу сломит.

Сразу говорю: это была не моя затея. Не мне взбрело выйти из дому в тот апрельский вечер. Я бы в жизни не полезла на улицу в такую мокрятину. Просто Нола начиталась, как всегда, греческих трагедий и от них окончательно раскисла. Принялась вспоминать детство, как она отдыхала на пляже, и захотела снова увидеть океан. Подземкой добралась с Манхэттена до Кони-Айленда, от туда пошла пешком. На улицах, конечно, никогошеньки, все успели распределиться по барам, казино и прочим заведениям. Между Нептун-авеню и Мермейд-авеню Ноле попадались одни бомжи, да и тех было три с половиной человека: копошатся на асфальте, жмутся к парадным дверям. Ноле, понятно, от их газетных козырьков только тошнее сделалось. Стало казаться, будто само время застыло, ждет летнюю веселую толпу. А пока лето не наступило, пока апрельская морось долбит мозг, Кони-Айленд, конечно, самое что ни на есть заброшенное, тусклое место на Земле.

Тут, правда, Нола вспомнила про один бар, «У Ната-на»; он круглый год открыт. Этаким оазис в сырой и зябкой пустыне. Туда-то она и направилась. В самом баре народу не было, но на террасе, под маркизой, несколько человек согрелись кофейком из пластиковых чашечек,

жареной картошкой ну и, конечно, «самыми знаменитыми в мире хот-догами» — куда ж без них? Не будь я на диете, тоже заказала бы сочный хот-дог, да с горчичкой, да с капусткой квашеной. Потому что в дождливый вечер самое милое дело — впиться зубами в хот-дожье сочное тело. А Нола не соблазнилась. Ей хотелось поскорее к океану. Она постояла, глянула на часы, зафиксировала в памяти время. 10.45.

Но вот кого Нола не зафиксировала, так это троих парней в драных джинсах и клепаных куртках. Парни по очереди отхлебывали из бутылки, и было им довольно скучно. А тут Нола появляется в луче света, топает по аллее, и все мысли у нее — о пляжном сезоне двадцатилетней давности, как она строила песчаные замки, а потом лезла в воду, обмыться.

И вот Нола ступает на дощатый настил, и в ноздри ей бьет запах мокрого песка. Она сразу же скидывает туфли, дальше идет босиком, песок пальцы шекочет. Я-то знаю: на досуге Нола тешится мыслью погибнуть в море. Желательно — не в простом, а в гомеровском, в «винноцветном»¹. К нему-то Нола и топает, а оно — просто черное под дождем в темноте. Нола сорвала пластиковую шляпу от дождя, швырнула на песок. Песок, заметьте, был совсем не гомеровский, а загаженный. Загаженный, заплеванной, усеянный использованными презервативами. Их волны выбросили, будто не хлам, а послания из иного времени. Нола сбилась с мыслей о высоком, стала думать про презервативы. Потом она принялась думать, а почему она думает про презервативы, будучи девственницей, которая собралась оборвать нить своей жизни? И не оставить ли ей тоже какое-нибудь послание, не сообщить ли всем, что расщепленная жизнь ее замучила и что утонуть лучше, чем вены себе порезать?

¹ Винноцветное море — эпитет Н.И. Гнедича, переводчика «Иллиады». В оригинале использовано слово «οἶνος», что буквально значит «подобное вину». *Здесь и далее примеч. пер.*

От таких мыслей у Нола заболела голова. Захотелось раздеться донага, и она сорвала блузку, сорвала юбку, подставила тело дождю. Прибой зазывно мурлыкал, Нола шагала по пустынному пляжу, расшвыривая одежду. Ноги перестали вязнуть, потому что она вступила в полосу прибоя, где песок плотный, и вскоре почувствовала пятками жирную грязь мягкой текстуры. Вода пузырилась между пальцев, отступая, тащила за собой и грязь. Образовывались маленькие канальчики. Нола взглянула на часы с подсветкой. Зафиксировала время.

11.23.

Вода была теплее, чем воздух, ноги согрелись, а все остальное, наоборот, заоченело. Наверное, думала Нола, Сократ, когда выпил цикуту, почувствовал прямо противоположное — у него ноги начали наливаться каменным холодом.

А голова между тем болела. Тоже, нашла время!.. Боль зарождалась в шее, Нола ей сопротивлялась. Кто-то внутри вопил «нет», «нет», «нет»; кто-то сражался с Нолой.

Теплая вода омыла ей колени, затем — бедра. Нола сделала еще несколько шагов вперед. Помедлила, позволив океану трогать себя *там*. Скоро, очень скоро она будет в руках Божьих. Чем она хуже Афины, рожденной взрослой женщиной из Зевсовой головы? Ласки океана стали интенсивнее. Нола вздрогнула и сделала еще шаг. Обнаружила занятную вещь: когда смотришь смерти в глаза, центром вселенной становится твой собственный пупок.

Каково это — дышать соленой водой? А вдруг Нола на самом деле — русалка; вдруг она не утонет, но очутится в подводном царстве, обретет рыбий хвост и сможет плавать во владениях Посейдона вместе с капитаном Немо и?.. Эх, так и не удосужилась дочитать «Моби Дика»! Вдруг не дочитывать книги — это грех и Нола обречена торчать в чистилище, томясь от незнания, чем все завершится? Или ей уготована другая кара — до скончания времен барахтаться

среди бесчисленных страниц, запутываться в саргассах недочитанных историй?

Океан нежно пощипывал губами ее соски. Будто инкуб, подумала Нола. Зашла в воду по шею. Стало тепло, захотелось спать. Нола медленно погружалась.

На берегу кто-то надрывался:

— Вон она! В воде! Хватай ее!

Нола оглянулась. К ней по пляжу бежали трое.

— Не трогайте меня! — крикнула Нола.

Трое попрыгали в воду. Нола нырнула, попыталась дышать водой. Голова закружилась, и Нола вынырнула, отплеываясь и сморкаясь. Ее схватили за волосы, за руки, поволокли на берег. Она кашляла, хрипела, умоляла: «Господи, дай мне умереть! Ну пожалуйста!»

Нола думала, сейчас ей сделают искусственное дыхание. Только этого не хватало! Она попыталась подняться на ноги. Но «спасители» затащили Нолу под деревянный настил, и один из них расстегнул ширинку. Другой, тот, что удерживал правую руку Нола, возмущился:

— Сначала я!

— Фигу, — отрезал тот, что расстегнул ширинку. — Я ее первый увидел. Твоя очередь — после меня. А ты третьим будешь.

— А чего это как я, так третьим?

Нола поняла: ее спасли вовсе не из человеколюбия.

— Не надо! — выдохнула она. — Пожалуйста, отпустите меня!

Третий осклабился.

— Ты все равно себя рыбам скормить собиралась. Давай мы с тобой малость развлечемся, а потом, так и быть, бросим тебя обратно в воду. Лады? Хороший трах даже перед смертью не повредит.

— Вот-вот, — подхватил второй. — Успеешь еще утонуть.

Мигрень никуда не делась. Наоборот, усилилась. Нола не желала поддаваться. Ей случалось выкарабкиваться из всяких переплетов. Выкарабкается она и сейчас. Эти трое не блещут интеллектом — она легко их проведет.

Второй и третий растянули ей руки и ноги, первый собирался приступить к делу.

— Ребята, зачем заниматься сексом на песке? Здесь холодно и мокро. А я живу недалеко. Пойдемте ко мне, — заговорила Нола. — Выпьем вина. У меня есть отличный сыр. Чеддер. Настоящий, выдержанный. Можно музыку включить...

Первый впился губами ей в губы. От него разило перегаром. Нола принялась извиваться под ним.

— Вроде как с аллигатором борешься, да? — предположил третий.

— Надо было нам дождаться, пока она захлебнется, — пожалел второй.

— Помогите! — кричала Нола. — Люди! Кто-нибудь!

На этом слове она вырубилась.

Джинкс мигом поняла, что происходит. Она — мокрая и голая, распята парой гопников, третий гопник, без штанов, лежит сверху.

— Какого черта! Кто меня сюда притащил?

— Полежи спокойно хоть полминуты, — со смехом сказал бесштаный. — Вот увидишь, тебе самой понравится.

— Ах ты сукин сын! Отвали, урод!

Джинкс извивалась, дергалась влево и вправо. Ей удалось резко повернуть голову и вцепиться зубами в руку третьего. Челюсти щелкнули, точно капкан. Третий взвыл и разжал пальцы, Джинкс освобожденной рукой схватила первого за яйца и стиснула, вонзив ногти в плоть. Тот выгнул от боли спину и потерял сознание.

Второй от изумления сам отпустил ее и теперь пятился, будто краб. Джинкс, еще лежа, швырнула ему в глаза горсть песка, вскочила и набросилась на него.

Она его царапала и пинала, потом вцепилась зубами ему в плечо, ощутила вкус крови. Он вырвался и побежал. Третий за это время успел смыться. Первый еще валялся без сознания. Джинкс ударила его кулаком в лицо, расквашив нос, и стала озираться в поисках острой щепки, а луч-